
УДК 008.001(470)

ББК 71.0(2Рос)

А 13

З.Э. Абдулаева,

соискатель кафедры теории и истории культуры Дагестанского государственного университета, ассистент кафедры гуманитарных дисциплин.

Специфика региональной этнокультуры в антропологическом пространстве российского общества (Рецензирована)

Аннотация. В статье исследуется региональная этнокультура как неотъемлемая часть антропологического пространства современной российской культуры, выявляется специфика этнокультуры как антропологической константы в современном российском обществе.

Ключевые слова: региональная этнокультура, антропологическое пространство, российская культура, антропологическая константа, российское общество.

Z.E. Abdulaeva,

Assistant Lecturer of Department of the Humanities, Applicant for Candidate degree of Department of the Theory and History of Culture, Daghestan State University.

Specificity of regional ethnoculture in anthropological space of the Russian society

Abstract. The paper deals with the regional ethnoculture as an integral part of anthropological space of Russian modern culture. Specific features of ethnoculture as an anthropological constant in contemporary Russian society are analyzed.

Keywords: regional ethnoculture, anthropological space, the Russian culture, an anthropological constant, the Russian society.

В современном российском обществе формы развития этнокультур и механизмы определения места человека в их структуре диалектически соединяют образы универсального для региональных этнокультур с образами и символами, специфически-уникальными для каждой из этнических культур России. Общероссийское культурно-антропологическое пространство как источник культурного многообразия и этнокультурных изменений функционирует в качестве предельно широкой социально-онтологической сферы социокультурной деятельности, в которую может свободно вписываться и одновременно принудительно «включаться» современный человек, решающий для себя фундаментальный вопрос о выборе

устойчивой социокультурной принадлежности.

В выявлении единства российского антропологического пространства, конституирующего и трансформирующего региональные этнокультуры, и сущности человека как активного «этнокультурного актора» заключается задача настоящего исследования. Антропологические константы этнокультур в силу их духовно-чувственного, эмпатического отношения к внутреннему миру человека, испытывающего сегодня глубинный кризис социокультурной идентичности, привлекают внимание все большего количества отечественных исследователей [1]. Богатство и многоголосие региональной этнокультуры с каждым годом открывается все новыми

и новыми гранями. Изменение точки зрения на этнокультуру в современной России, которую в первое постсоветское десятилетие обвиняли в жестком традиционализме и «отставании», заставляет современных исследователей обратиться к проблеме самосохранения этнокультуры в поиске ответов на острые вопросы современности и, прежде всего, в поиске ответов на вопросы о смысле и способах человеческого бытия в мультикультурном мире.

Неизменность антропологического пространства этнокультуры таит в себе множество ответов на вызовы современности. Характерная для современной России тенденция к гуманизации культурного многообразия становится сегодня полем дискуссий по проблемам безопасности и жизнеспособности этнокультуры в российском обществе. «Характер вызовов устойчивости государственности на Юге России существенно изменился за постсоветский период. В результате действия множества деструктивных факторов произошел переход от непосредственных и очевидных угроз со стороны сепаратистских сил и крупных, институционализированных этнических конфликтов к менее очевидным, но более сложным внутренним вызовам — конфликтам идентичностей, или парадигмальным конфликтам» [2]. Важно при этом определить субстанциальные антропологические основания этнокультуры в контексте противоречий индивидуально-личностного, общинно-традиционного и универсально-общественного, общегражданского для сохранения этнокультурной целостности общностей в современной России.

Свобода самоидентификации и самовыражения придает деятельности человека нравственное измерение, позволяет оценивать его этически. Для полноценного межкультурного диалога человек должен обладать высокой свободой этнокультурной идентификации. Нравственная оценка возможна только тогда, когда актер имеет свободу социокультурной принадлежности, выбора цели, способов и средств ее реализации. Т. Мейер подчеркивает,

что современный человек нуждается в идентификации с «воображаемыми сообществами», одним из которых является этнокультурная общность, потому что он постоянно стремится создать жизнеспособную идентичность и не желает утратить смысл своего существования [3]. Важно при этом понимать, что этнокультура имеет долгую историю развития и, идентифицируя себя именно с данной социокультурной системой, человек приобщается к этой истории, становится ее непосредственным участником и творцом. Особое значение эти процессы имеют для тех региональных этнокультур, которые ориентируются преимущественно на духовно-традиционные формы организации жизнедеятельности, для которых традиции и история — высшая ценность. Ценностно-идентификационные и антропологические структуры этих этнокультурных систем более устойчивы к изменениям, чем те культуры, которые утратили архаические традиции.

Центральное место в мировоззренческой системе региональной этнокультуры занимает понятие синкретизм, имеющее огромную смысловую нагрузку. Синкретизм — ядро этнокультуры, ее антропологическая константа, играющая роль «структурного принципа, гарантирующего целостность всей системы» [4]. Столь большая значимость синкретизма в этнической культуре обусловлена двумя основными обстоятельствами: с одной стороны, это тяга к яркому, образному мышлению, столь характерному для этнической культуры, а с другой — религиозно-мифологическое мировидение, ориентация на духовное постижение реальности. В традиционной этнической культуре человек считается творением Божиим, и поэтому образ человека в ней складывался как из наблюдения за жизнью, взятой во всех ее аспектах, так и из богословских представлений о сущности Бога и Его взаимоотношений с человеком и миром.

Региональные формы традиционных этнокультур, как и антропосоциальные механизмы их трансляции в

современной России, носят культурно-исторический характер. Целостное антропологическое пространство нормативно-ценностного жизнеобеспечения этноса медленно распадается на фрагменты, которые со временем теряют нормативное смысловое наполнение. Вместе с тем, общие идеи и ценности этнокультуры остаются актуальными и переходят в область профессиональной деятельности специалистов-культурологов. Однако затем они могут снова вернуться в массовое сознание и в видоизмененном виде опять стать весомой частью этнокультуры. Так в значительной мере происходит в настоящее время, когда в России, как и в других странах, активизировался интерес к традиционным этнокультурам, включая их ранние синкретические формы.

В российском антропологическом пространстве региональная этнокультура на Северном Кавказе сохраняет элементы синкретичности как нерасчлененного сосуществования в диффузном состоянии этики и эстетики, знания и верования, духовного и социального, мира представлений (картины мира) и практического действия, что характерно для группового (коллективного) этнического самосознания.

Реальные и потенциальные формы этнокультуры обладают общим качеством — традиционностью. Опора на духовную традицию как способ коллективной аккумуляции социального опыта этноса является важным качеством региональной этнокультуры. В этнокультурах Северного Кавказа в первую очередь осознаваема установка на следование принятой духовно-культурной традиции, за которой проступает коллективистское, общинное, религиозно-корпоративное начало, объединяющее этническое сообщество в разных поколениях и получающее значение нормы и образца.

Масштабы этнокультурной традиции в северокавказских этнокультурах могут быть различны. Традиция служит обобщению антропологического пространства этнокультуры, ее культурного и социального опыта, задает

воспроизводящиеся стереотипы мировидения, символического выражения, а также способы закрепления и передачи элементов этнокультуры в тех или иных временных рамках в масштабах всего региона.

Дагестанская региональная этнокультура представляет собой сложную социокультурную систему, центром которой является поликультурное многообразие. Традиционно эта культура была космо- и антропоцентрична. Своеобразие этому культурному паттерну придавали идущие из домотеистических времен образы архаики, они вторгались во все слои и уровни региональной этнокультуры. В качестве культурного архетипа многолика дагестанская этнокультура обладает способностью порождать различные смысловые контексты, которые в свою очередь могут изменять саму этнокультуру, способствуя слиянию языковых и субэтнических культурных структур.

Структура (антропологическая константа) дагестанской этнокультуры представляет собой синкретическое единство в многообразии, которое невозможно разделить на составные части без потерь. Материальная и духовная культура, ритуал, изобразительное искусство, музыка и литература — все они взаимно дополняли и дополняют друг друга.

Для обозначения антропологической константы при анализе региональной этнической культуры первоначально необходимо определить типы антропологической организации. Антропологическая организация осуществляется по двум взаимосвязанным основаниям: по основанию деятельности (как идентификационного и мотивационного фактора развития личности) и по основанию социально-культурных отношений, в которые человек вступает в процессе своего бытия. Идентификации и мотивации деятельности являются в одно и то же время ее этапами или стадиями, последовательно меняющимися и обуславливающими друг друга. В своей совокупности эти стадии образуют единый процесс формирования антропологической константы этнокультуры. Они

же выступают подсистемами антропологической этнокультурной константы как динамической и саморазвивающейся целостности. Структурные элементы идентификационно-мотивационной деятельности входят в систему антропосоциальных отношений этнокультуры не полностью, а лишь частично, опосредуя связи между человеком и регионально-культурными образованиями.

Под антропологической константой региональной этнокультуры понимается фундаментальная идентичность человека, формирующая этнокультуру и являющаяся базовой характеристикой этнорегиональных социокультурных процессов. Личность является сущностной, центральной характеристикой антропологической константы в этнокультуре. Личность — устойчивая система социально значимых черт, характеризующих человека и общность. Личность — продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности и общения. Формирование личности в этнокультуре происходит в процессах социализации и направленного воспитания, освоения социальных норм и функций.

Многочисленные существующие типологии и классификации личности имеют разные теоретические основания — нейрофизиологические, психофизиологические, психологические, социально-психологические, социологические — причём между разными теориями и уровнями исследования большей частью нет логических связей. Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за определением сущностных антропологических категорий. Важнейшим параметром антропологической константы выступает степень иерархичности видов этнокультурной деятельности, идентификаций, мотивов.

В рамках глобального общества антропологическое пространство усиливает свои общие, универсальные, наднациональные признаки, повторяющиеся во всех людях, но при этом ослабляются, нивелируются многие частные,

индивидуальные, специфические этнокультурные признаки, отличающие людей друг от друга. Поэтому в современном антропологическом пространстве всегда присутствуют и сочетаются скрытые, институционализированные формы насилия и принуждения, неизбежно налагаемые на любые конфигурации личностного пространства каждого человека. М. Фуко называл их социальными практиками принудительной нормализации человеческих тел и душ [5].

Рассматривая место и роль антропологического пространства в рамках этнокультурной традиции, необходимо использовать полипарадигмальный, системный, синтетический подход, необходимый для обнаружения архетипов и общих точек соприкосновения синкретичности в этнокультурной традиции, взятой соизмеримо с глобальными общекультурными ценностями.

В основе региональной этнокультуры в антропологическом пространстве современной России лежит особый способ социокультурной регуляции человека и группы во всех сферах жизни, основанных на устойчивой духовной традиции, который обеспечивает относительную стабильность этносоциальной структуры. Обычное право как феномен традиционной северокавказской культуры обеспечивает преимущественно устную трансляцию нормативной информации и регулятивного общественного опыта, зафиксированного в прецеденте и закреплённого в традиции, адекватной окружающей среде и менталитету этнокультуры. Обычное право в этнокультуре носит общеобязательный предписывающий характер и неотделим (синкретичен) от морально-нравственных императивов, закреплённых в обычае, ритуале, традиции. Регуляция на основе духовной традиции характерна для многих типов этнических сообществ, однако в современной этнокультуре традиционное мировоззрение может сосуществовать с инновационными способами регуляции и саморегуляции.

Синкретизм морально-правовых норм этнокультуры отражается в морально-этических кодексах, которые определя-

ют этнокультурную идентичность человека и выступают системообразующим и самовоспроизводящимся институтом этнокультуры. Обычное право выполняет этнокультурные функции: интеграции (регламентирует межэтнические отношения), миротворческую (регламентирует конструктивные отношения внутри этносистемы и с другими этносистемами), коммуникативную (транслирует систему табу и норм во взаимодействии индивидов и этнокультурных институтов), культурно-идентификационную (служит основанием осознания субъектами принадлежности к этнокультурной группе).

Этнические системы по своей социально-биологической природе довольно близки к феномену популяционных систем. И все же, если популяция человека представляет собой преимущественно генетико-биологическую систему, то этнос, сохраняя множество признаков и свойств популяции, становится как бы двуликим, попадая в сферу специфических социальных и культурных законов. Следовательно, этнос более динамичен, изменчив и многолик, не столь зависим от природной среды. По мнению Г. Симкина, «этноты сохраняют многие биологические свойства популяции. В частности, они всегда «масса», всегда «объем», и природа не может их плодить до бесконечности: они просто не уместились бы на нашей планете. Решая эту проблему, природа сохраняет за этносом биологические ограничения и выносит свой приговор: этноты смертны» [6].

Именно духовная культура, создаваемая этносом, и есть та ценность, относительно которой человек изме-

ряет все свои действия и ценностные проекты, в том числе экономические и социально-политические программы. Именно в духовной системе этнокультуры заключен механизм порождения и сохранения уникального, неповторимого, устойчивого в мировой культуре, препятствующий кризису и болезненной потере идентичности. По словам Л.Г. Ионина, «утрата идентификации проявляется как несоответствие поведения нормативным требованиям среды. Идентификация, сформированная в процессе социализации, может быть утрачена по двум основным причинам: 1. В результате кардинальных психических изменений. 2. В результате быстрых и значительных изменений в окружающей социальной среде. Как правило, идентификации институционализированы, т.е. связаны с основными институтами» [7].

Исторически возникнув в антропологическом пространстве российской культуры, антропологические константы региональных этнокультур становятся нормативно-автономными, универсально-надличностными ценностями по отношению к своим носителям. Восприятие подобных этнокультурных норм — необходимое условие выживания как этноса в целом, так и каждого отдельного представителя в изменяющейся социальной и культурной среде. Представляя собой форму коллективного самосознания и существования, региональная этнокультура предстает как сложная система, жизнеспособность которой во много раз превышает длительность бытия каждого ее элемента.

Примечания:

1. См.: Авксентьев В.А. Северный Кавказ: реполитизация этничности и конфликтологические сценарии развития // *Обозреватель — Observer*. 2006. №7. С. 24-26; Арутюнян Ю.В. Трансформация постсоветских наций: по материалам этносоциологических исследований. М., 2003; Губогло М.Н. Идентификация идентичности. М., 2003; Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д, 2003; Дробижина Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003; Иванова С.Ю., Лутовинов В.И. Современный российский патриотизм. Ростов н/Д, 2008; Ляушева С.А., Нагой А.А. Религиозная идентичность в современной культуре // *Вестник АГУ. Сер. Регионоведение*. 2009. Вып. 1. С. 221-225; Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997; Соколовский С.В. О неуютке автаркии, национализме и постсоветской идентичности // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. М., 1995. Вып. 2; Стризое А.Л. *Философия и общество: социально-философские аспекты взаимодействия*. Волгоград, 1999; Сугрей Л.А. *Традиционализм как социальная философия этноса*. Пятигорск,

---

1999; Шадже А.Ю. Диалог как условие сосуществования // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. Ставрополь, 2007; Чагилов В.Р. Идея российского нациестроительства между «Сциллой и Харибдой» мультикультурализма и поликультурности // Этнические проблемы современности. Ставрополь, 2008. Вып. 13; Черникова В.Е., Волова Л.А. Межкультурная коммуникация в поликультурном пространстве: основные черты и особенности. Пятигорск, 2005.

2. Авксентьев В.А., Попов М.Е. Конфликты идентичностей как вызовы безопасности: к концептуализации «парадигмального конфликта» // Вестник Ставропольского государственного университета. 2009. №64. С. 143.

3. Meyer T. Identity Mania: Fundamentalism and the Politicization of Cultural Differences. London; N. Y., 2001. P. 14.

4. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия. М., 1988. С. 176.

5. См.: Фуко М. Ненормальные. СПб., 2004.

6. Симкин Г. Экология, этносы, культура // Человек. 1990. №6. С. 47.

7. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка // Психология самосознания. Самара, 2003. С. 641.

References:

1. See: Avksentjev V.A. The North Caucasus: repoliticization of ethnicity and conflictological scenarios of development // The Observer. 2006. No. 7. P. 24-26; Arutyunyan Yu.V. Transformation of the post-Soviet nations: on the materials of ethnosociological researches. M., 2003; Guboglo M.N. The identification of identity. M., 2003; Denisova G.S., Ulanov V.P. The Russians in the North Caucasus: the analysis of transformation of the sociocultural status. Rostov-on-Don, 2003; Drobizheva L.M. Social problems of the international relations in post-Soviet Russia. M., 2003; Ivanova S. Yu., Lutovinov V.I. Modern Russian patriotism. Rostov-on-Don, 2008; Lyausheva S.A., Nagoi A.A. Religious identity in modern culture // The Bulletin of the AGU. Series «Region studies». 2009. Issue 1. P. 21-225; Skvortsov N.G. The problem of ethnicity in social anthropology. SPb., 1997; Sokolovsky S.V. On the discomfort of an autarchy, nationalism and post-Soviet identity // Ethnomethodology: problems, approaches, concepts. M., 1995. Issue 2; Strizoe A.L. Philosophy and society: social and philosophical aspects of interaction. Volgograd, 1999; Sugrey L.A. Traditionalism as the social philosophy of ethnos. Pyatigorsk, 1999; Shadzhe A.Yu. Dialogue as a coexistence condition // Social conflicts: examination, forecasting, technologies of solution. Stavropol, 2007; Chagilov V.R. The idea of the Russian nation construction between «Scylla and Charybdis», multiculturalism and political culture // Ethnic problems of the present. Stavropol, 2008. Issue 13; Chernikova V.E., Volova L.A. Intercultural communication in polycultural space: the main features and peculiarities. Pyatigorsk, 2005.

2. Avksentjev V.A., Popov M.E. The conflicts of identity as security challenge: on the conceptualization of «the paradigmatic conflict» // The Bulletin of the Stavropol State University. 2009. No. 64. P. 143.

3. Meyer T. Identity Mania: Fundamentalism and the Politicization of Cultural Differences. London; N. Y., 2001. P. 14.

4. Fink E. The main phenomena of human existence. M., 1988. P. 176.

5. See: Foucault M. Abnormal. SPb., 2004.

6. Simkin G. Ecology, ethnos, culture // The Person. 1990. No. 6. P. 47.

7. Ionin L.G. Identification and dramatization // Self-consciousness Psychology. Samara, 2003. P. 641.